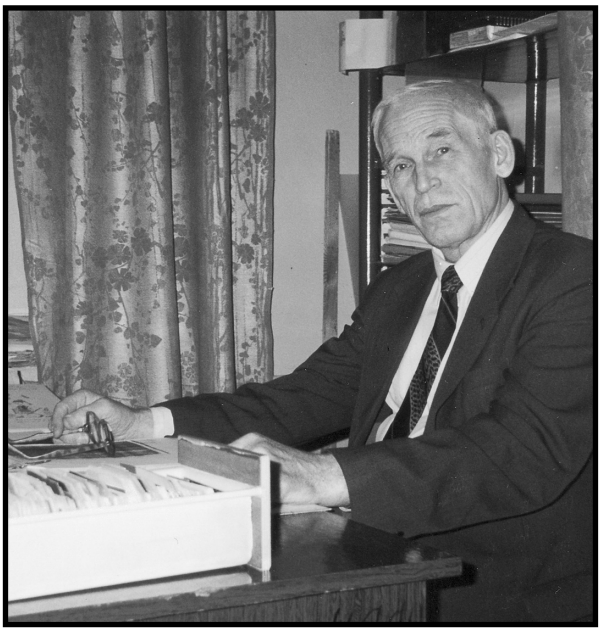
Надгробие как исторический документ:

региональный аспект

Юго-восток Татарстана, граничащий по реке Ик с территорией Башкортостана, — регион, удаленный от центра. Он является малоизученным в историческом и этнокультурном планах. Но сохранившиеся здесь памятники всегда привлекали внимание ученых. Впервые надгробия XIV в. обнаружил здесь в 1966 г. Г. В. Юсупов, однако результаты его исследований были опубликованы только после смерти исследователя.

В 1974 г. часть территории была обследована видным археографом доктором филологических наук М. И. Ахметзяновым. Эта работа велась им до 1980 г. Были обнаружены и прочитаны сотни надписей на надгробных камнях, тексты родословных населения Приикского бассейна. Результаты научно-исследовательской работы нашли отражение в книгах, монографиях, статьях М. И. Ахметзянова. В одной из публикаций ученый дает описание памятников XIV в., с которых начинается эпиграфическая культура в крае. Обновление татарской эпиграфической культуры, по его мнению, было продолжено с последней четверти XVIII в.[1]

Надмогильные стелы представляют собой кладезь кодовых знаков, исторической информации. Как заметили в свое время видные археологи Республики Татарстан А. Х. Халиков, Е. П. Казаков, П. Н. Старостин, занимавшиеся восстановлением прошлого человеческого общества по вещественным историческим источникам, памятники — «немые свидетели давно прошедших времен и надежные источники, в большинстве своем единственные, в деле восстановления… древней и средневековой истории края,.. в том числе и истории татарского народа»[2]. Вместе с тем ученые подчеркивали важность памятников, оставленных предками современных народов Поволжья и Приуралья, для изучения вопросов происхождения финно-угорских и тюркоязычных народов Восточной Европы.

Надгробия юго-востока как раз и

представляют собой наследуемые обществом из поколения в поколение культурные образцы. Именно об этом свидетельствуют сохранившиеся до настоящего времени на территории региона, бывшего в свое время под протекторатом Тюркского каганата, Волжской Булгарии, Казанского ханства и Ногайской Орды, различные каменные сооружения, будь то «балбалы» или надмогильные плиты. Для раскрытия этнической истории региона важно учитывать кипчако-ногайский компонент, составляющий особенность данной территории. Закамье «вплоть до середины XVII в. оставалось во власти степных, кочевых народов, племен, среди которых первоначально доминировали ногайцы»[3]. Начиная с XVI в. Ногайская Орда переживает смутное время. Внутригосударственные разногласия между мурзами — приближенными хана — подорвали ее силы, поэтому начался процесс внутреннего разложения объединения. В первой половине XVII столетия в кочевом мире юго-восточной зоны произошли ощутимые перемены. Если раньше весной ногайцы перекочевывали со своими стадами до самой Камы и Ика, то после вторжения калмыков в 1634 г. они ушли в сторону Поволжья.

Экскурс в далекое прошлое края приводится с целью доказать, что обитание в исследуемом регионе народа кипчако-ногайского происхождения с XV по XVII столетие не прошло бесследно для его этнической истории.

На территории региона, бывшего в свое время под протекторатом и Тюркского каганата, и Волжской Булгарии, и Казанского ханства, бытовали и сохранились в некоторых случаях до настоящего времени различные каменные сооружения, будь то «балбалы» или надгробия. По внешнему виду Д. Г. Мухаметшин[4] причисляет камни XIV столетия к произведениям булгарской культуры. Язык эпитафий М. И. Ахметзянов[5] определяет как татарский. Данные надгробия можно причислить к татарско-мусульманским произведениям булгарской культуры, так как территория региона в то время входила в состав Булгарского улуса, а населяли его татары-мусульмане. Происхождение стел подобного рода М. И. Ахметзянов связывает с переселившимися сюда из Крыма, с Черноморского побережья, кочевыми татарскими племенами. Это подтверждается и достопримечательностью края — горой Чатыртау. Переселенцам она, вероятнее всего, напомнила крымскую гору Чатырдаг, с чем и связано ее название.

Главная отличительная черта надмогильных плит на Староурсаевском кладбище Азнакаевского района и на «Кладбище святых» Альметьевского района заключается в следующем. Эти памятники сохранили уникальное явление культуры, присущее тюркскому народу, — знаки тамги, своеобразные метки, многие из которых являются буквенными обозначениями древнетюркского алфавита. «Образ тамг, несомненно, является одним из показателей того или иного культурного круга, в который входило и с которым активно общалось оставившее эти тамги население», — считает И. Л. Кызласов[6].

Р. Х. Керейтов и С. М. Червонная тамгу на мусульманском надгробии считают своеобразным явлением, присущим «прежде всего, может даже исключительно, ногайской этнической культуре», рассматривают ее как «свойство прочности и живучести доисламских традиций, оказавшихся в своеобразном синтезе с исламским культовым искусством»[7]. Эти знаки-метки, дошедшие из глубины веков как остатки культуры ногайской этнической группы, придают истории региона особый шарм, подчеркивая наличие в пластах культуры и древнетюркского слоя, очень сильного и живучего. Думается, вполне можно считать знаки тамги на камнях рядом с арабскими буквами, сохранившиеся в регионе исследования, точкой соприкосновения двух традиций — древнетюркской и мусульманской, одну из которых привнесли в край ногайцы, а другую — мусульманизированные татары. Соединившись, эти культурные пласты участвовали в процессе этногенеза народа, населяющего регион и поныне.

Отмечая, что в тех краях, где сохранены остатки культуры времен Золотой Орды, наблюдаются случаи вторич-

ного использования древнетюркских каменных плит с руническими письменами в качестве исламских надгробий, С. М. Червонная считает, что камень из Чекмагушского района Башкортостана, напоминающий староурсаевский, вначале был древнетюркской надмогильной стелой, а затем в XIV столетии его превратили в мусульманское надгробие, заполнив письменами арабской графики. Такие камни широко распространены в северной степной («ногайской») части Крыма. И не только здесь. Отмеченный С. М. Червонной камень почти полностью совпадает с камнями, сохранившимися в юго-восточном регионе Татарстана. С точки зрения принадлежности к тому или иному народу, это, безусловно, остатки культуры ногайцев в здешних краях. Вновь обнаруживается, что эпитафии на надмогильных стелах являются своеобразным ключом к раскрытию сложных перипетий в судьбе татарского народа.

Археологические данные также свидетельствуют о том, что булгары находились в тесном взаимодействии с тюркоязычными народами Восточной Европы. Основание для такого рода суждений дают знаки тюркской письменности, обнаруженные учеными на археологических объектах. Как отмечает Е. П. Казаков, зафиксированные в памятниках волжских булгар рунические надписи в основном датируются лишь со второй половины — конца X в., когда они уже пользовались арабским письмом. А появление руники он объясняет тем, что ее привнесли южные тюркоязычные соседи, постоянно интегрируемые в состав населения Волжской Булгарии. Рунические надписи — тюркские элементы культуры. Внедряясь в среду булгар, соседи видоизменяли их культуру, обогащая ее новым содержанием, создавали сплав тюркской и мусульманской традиций[8]. Постоянные контакты приводили не только к политическим изменениям у кочевников, но и к смещению этнических массивов. Булгары в регионе проживали до 60-х гг. XIV в. Затем в их жизни начался период трансформации. Интенсивный процесс татаризации со стороны пришлых кочевых племен татар кипчако-ногайского происхождения наложил неизгладимый отпечаток на все стороны жизни булгарского населения региона, мировосприятие, культуру, язык и письменность. Так, путем ассимиляции создавался татарский народ[9].

Доказательством этнической принадлежности части населения Прикского бассейна к татарам Ногайской Орды служит текст родословной Гирает бия, несколько копий которого обнаружены М. И. Ахметзяновым на территории края. Это «известная в научных кругах родословная ногайского бия Гираета (XV в.) до его потомка — легендарного Нугайбека (1736-1802), который, имев девятерых влиятельных сыновей, внес ощутимый вклад в этнокультурное формирование приуральских татар Икского бассейна, — отмечает Н. М. Мириханов*. — Гирает би был главой одной из родоплеменных общин Ногайской Орды — государства, образованного при распаде Золотой Орды и основанного далеко до выхода из империи талантливым полководцем-сепаратистом Ногай мурзой. В этническом отношении основным содержанием ногайского периода оказалось увеличение кипчакского компонента в среде местного населения. Ногайская Орда, западные пределы которой упирались в реку Ик, имеет почти двухсотлетнюю собственную историю и считается одним из гегемонов Евразии того времени»[10].

Н. М. Мириханов, как представитель вышеописанного рода, в 1996 г. направил запрос о достоверности родословной в Институт истории РАН. Он был рассмотрен в Центре истории народов России и межэтнических отношений и получил положительный отзыв. Автор отзыва В. В. Трепавлов считает шеджере полноценным источником исторической информации. По мнению ученого, в представленной родословной основание рода возведено к лицу, обладающему титульным элементом имени «би», «бик» (Гирает-би). «Данный термин является восточнокипчакской формой слова “бек”, фиксируемой в документах начиная с XV в. “Бек” (“господин”, позднее

* Мириханов Н. М. — доктор политических наук, полномочный представитель Республики Татарстан в Российской Федерации.

также “князь”) принадлежит к общему корпусу тюркской традиционной социальной терминологии», — отмечает он[11]. Термин «бий», относящийся к имени первопредка рода Гираета, в данном случае употреблен в значении главы родоплеменной общины и говорит о высоком социальном ранге данной фамилии, принадлежности к аристократии Дешт-и Кипчака еще в золотоордынское время.

Во второй половине XVI — начале XVII в. внуки и правнуки Гирает бия по линии старшего сына были следующие: Алганчи — Куганчы — Арслан — Аккуз — Буляк — Сарыбай — Исангол — Джияш. Именно на данный отрезок времени приходится пик передвижений населения региона. В результате усиления Российского государства, завоевания Казани и упадка Ногайской Орды началось переселение части ногаев далеко на юг, что способствовало изменению этнического состава края и переходу на освободившиеся земли новых племен. Эта родословная как раз и отражает обоснование потомков Гирает бия на побережье реки Ик, которая сначала была границей между Ногайской Ордой и Казанским юртом, а теперь — между Башкортостаном и Татарстаном.

В XVII в. сын Джияша Урсай основал одноименное село в крае с богатым этнокультурным пластом. Эти данные подтверждаются и надгробиями данного села, поставленными потомкам Урсая по линии его сына Хасана, внука Нугайбека. Родоначальник этой ветви — легендарный Нугайбек (1736-1802), получивший свое имя в связи с историческими событиями у крепости Нугайбек. В молодости он был старшиной, воспитал девятерых сыновей. Поскольку он проживал впоследствии в селе Чалпы, на кладбищах этих двух сел сохранены надмогильные плиты самого Нугайбека, его сыновей Яркая (1773 г.), Курмакая (1820 г.), Габдельвагапа (1822 г.), Салташа (1831 г.), Ярмухаммеда (1833 г.), внука Сагадат-Давлетши (1830 г.), невестки — жены Салташа (1846 г.) и т. д. На датированных эпитафиях с надгробий прослеживается почти вековая история рода, в точности совпадающая с информацией из текста родословной Гирает бия, несколько копий которого обнаружены М. И. Ахметзяновым на территории тех населенных пунктов, где находятся вышеотмеченные некрополи.

В 2000 г. во время археографической экспедиции под руководством М. И. Ахметзянова был изучен родовой некрополь на Чалпинском кладбище. Расположенные вокруг памятника Нугайбеку надмогильные камни составляли настоящий ансамбль. Надгробия Нугайбеку и трем его сыновьям были обнаружены ученым еще в 1980 г. И вот через двадцать лет благодаря организованной краеведческим музеем экспедиции была внесена ясность в тексты эпитафий, обнаружены новые надгробия.

Ценность комплекса надгробий этого рода в том, что сохраненные на них тексты с антропонимами подтверждают достоверность списков родословных, а это еще раз доказывает общий кипчако-ногайский компонент в этнокультурной истории края.

Но на эпитафиях сохранены и ро-

Надгробный камень Айтмамата (1783 г.).
С. Сарлы, июль 1979 г. Фото М. Ахметзянова.

дословные, раскрывающие историю края. Их М. И. Ахметзянов относит к эпиграфическим. Они запечатлевались для того, чтобы навечно закрепить сведения о родственниках усопшего на камне. Таким способом подчеркивалась родовитость человека, высокий уровень его культурного развития. На исследованных надгробиях в основном представлены колена рода с антропонимами. Например, на надмогильном камне 1799 г. (с. Чалпы) представлена родословная из четырех колен: покойный Альмамат, сын Масгуда, сын Тимки, сын Пулата. Его эпитафийный характер выражается в том, что имя основателя рода, от которого начинается шеджере, стоит на последнем месте. Хотя в обычных родословных поколения указывают начиная от основателя рода. Эпиграфические родословные тем и отличаются от других видов, что главным лицом в них является погребенный. Поэтому в начале текста упоминается именно его антропоним, дальше — колена. На камне 1783 г. (с. Сарлы) представлены три колена: покойный Айтмамат, сын Ишмамата, сын Атнагола. По этим двум надписям можно судить о влиянии мусульманской религии на антропонимы. Если Тимка, Атнагол — чисто тюркские, татарские имена, то Алмамат (Альмухаммед), Аитмамат, Ишмамат — уже арабоязычные. «Древнейшие антропонимы в шеджере во многом совпадают с именами, бытовавшими или бытующими у родственных тюркских народов… Подобное явление нельзя считать простым случайным совпадением. Татарский народ по происхождению и языку является тюркским»[12], — подчеркивает М. И. Ахметзянов. На начальном этапе этногенеза татарского народа преобладали тюркские имена. Затем под влиянием мусульманской культуры появились полутатарские, полумусульманские имена. На третьем этапе наблюдается процесс превалирования арабо-персидских имен, характерных для татарского народа и в настоящее время. Таким образом, родословные не только раскрывают историю семьи, рода, племени, но и фиксируют происхождение народа.

Научный интерес представляют и сложные эпитафийные надписи на надмогильных камнях XIX в., где запечатлены генеалогические колена с примечаниями, отражающие сведения о предках усопшего с их титулами, названиями мест их рождения или службы. На надгробии муллы Закизяна из села Тумутук Азнакаевского района дана его родословная: мулла Мифтах — мулла Галиакбар — мулла Юсуп из села Кама. Это четырехколенное фамильное шеджере сообщает о том, что покойный из рода священнослужителей, а предок его происходит из села Кама, что находится в 70 километрах от места его захоронения.

На эпитафии 1926 г.[13] (Альметьевский район) фамильная родословная представлена отдельно от текста посвящения покойному: Ахметгарай — Шахгарай — Галиасгар — Файзулла — Юсуп — Дуст — Мухаммед — Разяп — Галибай. Таким способом сохранена история рода, которая в то же время присоединяется к истории региона проживания его представителей в течение одного-двух веков. Примечания сообщают имя заказчика — сына покойного, а также сведения о прапрадеде, служившем имамом в селе Кама. В данном случае наблюдается пример фамильного шеджере эпитафийного типа. Надпись на камне выполнена в советское время. Перечисление предков до десятого колена с указанием того, что один из них служил в селе имамом, то есть священником, для советского времени было настоящим героическим поступком. И совершил его мулла Заки.

Большую ценность для раскрытия истории края представляет еще одна эпитафия, выполненная тем же автором. Содержащая родословную с примечаниями, она рассказывает о легендарных личностях края, которые приходятся погребенной пращурами. Благодаря приписанной к имени фамилии можно сделать вывод о ее причастности к известному в Восточном Закамье родоплеменному шеджере Надира Уразметова — крупного феодала-землевладельца края. Упомянутый здесь Кутлыкадам Надиров — праправнук феодала[14]. Есть сведения о том, что он был знатной личностью края.

Надгробный камень муллы Давлетши с родословной (1908 г.). С. Какре Елга, 1980 г. Фото М. Ахметзянова.

А. Баянов читает молитву у надгробного камня муллы Давлетши. С. Какре Елга, 1980 г. Фото М. Ахметзянова.

С последней эпитафийной родословной связана и обнаруженная стела на Какреелгинском кладбище Азнакаевского района. Она является единственным документом, вносящим ясность в историю основания данного села. Чтобы навечно закрепить сведения о предках, основавших данное селение, мулла Давлетша задолго до своей смерти высек надпись на камне — своем будущем надгробии. Когда он умер 97 лет от роду в 1908 г., камень был установлен на месте погребения автора. По запечатленному списку родословной Давлетши основателем рода является Туеш из дальнего села Бикбау, а предками — Байкилде, Тилянчы из села Азалак. Сыновья последнего, как гласит текст, уже были жителями вышеназванного села. Сыновьями Кадермета были Мустафа и Хасан, Сармакая — Альмет. Эпитафия отражает легенду шеджере, хронологические рамки жизни представителей рода. Разгадку описанной эпитафийной родословной нашел М. И. Ахметзянов.

Легенда данной родословной гласит, что Кадермет и Сармакай купили землю у крупного землевладельца края Надира Уразметова и на приобретенной территории основали селение Какре Елга, где и сохранилось описываемое надгробие.

Один из его потомков, Аглям Баянов, в советское время бережно охранял этот камень. На старости лет, когда в постперестроечные годы в селе отстроили и открыли мечеть, служил там муллой. Именно он еще в 1980 г. во время пребывания М. И. Ахметзянова в селе в рамках эпиграфической экспедиции представил ученому эту родовую реликвию, став причастным к новому научному открытию в сфере археографии. Через 20 лет ученый, раскрывший тайну этой надписи и опубликовавший эти сведения в своих научных трудах, побывал здесь вновь.

Потомок рода, бережно хранящий это наследие своего предка, до самой своей кончины в 2003 г. следил за могилой с надгробием.

Тексты надгробий также могут содержать материал об истории заселения края. Если усопшие были не из числа местных жителей, в эпитафийных надписях указывалось место их рождения. Например, надгробный камень 1781 г. был воздвигнут казанцу, 1809 г. — уроженцу села Макашка Сибирского тракта, 1838 г. — прибывшему из села Сабы Казанской дороги, 1900 г. — из селения Малый Шингар Лаишевского уезда. Являясь историческими документами XVIII-XX вв., эти надписи на надмогильных камнях повествуют о том, что на данном отрезке времени в Восточное Закамье прибывал поток населения со стороны бывших земель Казанского ханства. Это не противоречит и письменным источникам — материалам по истории возникновения населенных пунктов в Восточном Закамье, свидетельствующим о миграционных потоках в регион казанских татар с XVI в., татар-тептярей и татар-мишарей в XVII-XVIII вв.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эпитафийный материал служит историческим источником, достоверность которого подтверждается письменными свидетельствами, и способствует раскрытию сущности процессов, протекавших в крае. Указанные на надгробиях даты кончины людей позволяют внести ясность в хронологические рамки основания тех или иных населенных пунктов. Они красноречиво говорят о том, что селение образовано не позже времени установления первых надгробий на его кладбище. Сохранность надмогильных стел облегчает историку работу по выявлению возраста села или деревни. Значит, дополняя рукописные материалы, эпитафии служат ценным источником информации, позволяющим выяснить ход истории. Эпитафии являются свидетелями далекого прошлого, подтверждая гипотезу о том, что они — хранилище исторической информации, подлинные исторические документы. Через них можно проследить ступени этнической истории, этногенеза татар, историю юго-востока, отдельных сел и деревень региона, жизни и общественной деятельности легендарных личностей края.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ахметзянов М. И. Эпиграфические памятники района // Маяк. – 2000. – 30 июля. – С. 2.
2. Казаков Е. П. Археологические памятники Татарской АССР. – Казань, 1987. – С. 3.
3. Галлямов Р. Р. Причины и последствия строительства Закамской засечной линии в 1652-1656 гг. // Из истории Альметьевского региона: Сб. науч. тр. – Казань, 1999. – С. 64.
4. Мухаметшин Д. Г. Об эпиграфических памятниках Восточного Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. – Казань, 1981. – С. 139.
5. Ахметзянов М. И. О судьбе булгарского языка // Татарская археология. – 1998. – № 1 (2). – С. 118.
6. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994. – С. 38.
7. Керейтов Р. Х., Червонная С. М. Эпиграфика Ногайской степи // Татарская археология. – 2002-2003. – № 1-2 (10-11). – С. 183.
8. Казаков Е. П. Булгарское село X-XIII вв. низовий Камы. – Казань, 1991. – С. 175.
9. Ахметзянов М. И. Восточные районы Закамья и история татарской литературы. – Казань, 1999. – С. 14.
10. Мириханов Н. М. Род. – М., 1999. – С. 12.
11. О достоверности шеджере Гирает бия и о родовой принадлежности Н. М. Мириханова: заключение. – М., 1996. – С. 1.
12. Ахметзянов М. И. Татарские шеджере. – Казань, 1999. – С. 78.
13. Он же. Эпиграфика Альметьевского региона. – Казань, 2000. – С. 37.
14. Он же. Татарские родословные. – Казань, 1995. – С. 118-119.

Фото на с. 27: М. Ахметзянов за работой. 2000 г. Из личного архива автора.

Гульсум Хисамиева,
аспирантка Московской академии
переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
директор Азнакаевского краеведческого музея